

*И. В. ПОХИЛЬКО, докторант
(Межрегиональная Академия управления персоналом, г. Киев)*

ОБОСТРЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЫНКА КАПИТАЛОВ

Наукові праці МАУП, 2003, вип. 8, с. 286–289

Общеизвестно, что рынок ценных бумаг является одним из основных механизмов аккумуляции и перераспределения инвестиционного капитала в мировой экономике. На современной стадии развития мирового хозяйства можно утверждать о преобладании этого источника формирования капитала над кредитом и внутренним накоплением, а также о дальнейшем повышении его значения. Ускорившаяся в течение последних десятилетий глобализация мировой экономики послужила причиной формирования практически единого всемирного рынка капиталов.

В определенной мере это может свидетельствовать и об обратной закономерности: стремительно развивающийся международный рынок ценных бумаг служит движущей силой дальнейшей интеграции национальных экономик в единое мировое хозяйство. Современные средства вычислительной техники и телекоммуникации позволяют обеспечить практически мгновенное перемещение средств с одного национального рынка на другой. Наряду с несомненными преимуществами такой мобильности капитала ее непосредственным следствием является также значительная неустойчивость национальных рынков ценных бумаг в силу увеличения их зависимости от развития экономик других стран. Это становится особенно очевидным при рассмотрении финансовых кризисов, таких как мексиканский 1994–1995 гг., распространившийся на всю Латинскую Америку, и кризис в странах Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг., отразившийся в той или иной степени на деятельности всех фондовых рынков как развивающихся, так и развитых стран.

В то же время двойственный результат глобализации фондовых рынков проявляется в обостре-

нии конкуренции за инвестиции между отдельными национальными рынками и целыми группами рынков, с одной стороны, и в формировании виртуального финансового мира — с другой. Создателем этого виртуального мира является гигантский свободный капитал. Так, банковская система Японии располагает активами в 9 трлн дол., банки США и Германии — примерно по 6 трлн дол. каждая, банки Великой Британии и Франции — по 5 трлн дол. Только за первые семь лет 90-х годов XX в. совокупный излишек капиталов Японии составил 655 млрд дол. Этот капитал благодаря глобализации финансовых рынков и в поисках максимальных прибылей создал виртуальный инвестиционный мир. Возник он как следствие тесной взаимосвязи движения валютных курсов, банковского процента и котировок акций в разных странах.

Шкала ценностей, скорость и объем операций виртуального мира на несколько порядков превосходят аналоги мира реального. Это очевидно из следующих сопоставлений. В 1977 г. объем мирового экспорта составлял 1,3 трлн дол., а объем валютных операций — 4,6 трлн дол., т. е. объем экспорта был меньше объема валютных сделок в 3,5 раза. К концу XX в. объем мирового экспорта превысил 5 трлн дол., но уже почти в 100 раз стал меньше объема валютных операций, ежедневный объем которых достигает 1,5 трлн дол. Чтобы представить себе масштаб этих операций, достаточно вспомнить, что этот объем превышает совокупный объем валового национального продукта почти всех стран мира, а совокупный объем официальных валютных резервов мира составляет 1,2 трлн дол. Понятно, что никакой центральный банк, в том числе и Федеральная Резервная Систе-

ма США, и даже совместные усилия нескольких центральных банков не в состоянии противостоять спекулятивному цунами. В этот же период, согласно исследованиям западных экономистов, наблюдается резкое увеличение потребности в инвестиционных ресурсах, причем повышение объемов инвестируемого капитала отстает от потребностей мировой экономики. Борьба за инвестиционные ресурсы между ведущими центрами мирового хозяйства — США, Европейским Союзом и Японией — в последнее десятилетие крайне обострилась. Но особенно тяжелое положение в конкуренции за становящиеся все более дефицитными инвестиционными ресурсами у развивающихся стран. Бурное развитие информационных технологий, создание мета-технологий дали их создателям огромные преимущества в конкурентной борьбе за инвестиционные ресурсы. Сегодня именно эти технологии из-за своей наибольшей производительности стали господствующими. Именно они, стремительно распространившись в последние годы, стали основной составляющей информационно-технологических обществ. Пионер их освоения — США — привлекает наиболее мобильную и потому наиболее эффективную форму финансового капитала — спекулятивный капитал — для создания наиболее эффективного вида технологий — информационных.

Привлечение такого капитала для создания обычных технологий, как показывает опыт развивающихся стран, невозможно из-за “медлительности” неинформационных технологий: осуществление любого связанного с ними проекта требует качественно больше времени, нежели то, на которое готов вкладываться традиционно “короткий” спекулятивный капитал. В результате наблюдается разрушительное несовпадение скорости движения спекулятивного капитала и создания традиционных технологий. Широкомасштабные вложения спекулятивного капитала неэффективны для национальной экономики именно из-за этого: он уходит, не успев создать ничего реального и оставляя после себя одни разрушения, а скорость развития информационных технологий качественно выше, чем обычных. Поэтому они являются единственным видом технологий, относительно которых “короткий”, спекулятивный капитал оказывается производительным. Их технологический цикл настолько мал, что соответствует скорости обращения финансового капитала. Таким образом, развитые страны получают дополнительно очень важное так называемое системное преимущество.

Принципиально важно, что в новом информационном, глобализованном, постиндустриальном

мире XXI века важнейшие ресурсы — это уже не пространство с закрепленными на нем людьми и производством, а прежде всего финансы и интеллект, легко перетекающие с одной территории на другую. Сегодня эффективное освоение территории состоит уже не в оздоровлении находящейся на ней социально-экономической формации, а, напротив, в обособлении внутри нее с последующим изъятием из нее основной части здоровых и прогрессивных элементов, т. е. людей — носителей финансов и интеллекта. При таком освоении прогресс более развитого, “осваивающего” общества происходит за счет деградации “осваиваемого”, причем масштабы деградации разрушаемого общества, как всегда при “развитии за счет разрушения”, превосходят в выигрыше и прогрессе более развитого общества. В отличие от традиционных, гармоничных процессов развитие за счет чужой деградации всегда представляет собой “игру с отрицательной суммой”.

Таким образом, глобализация мирового экономического пространства качественно изменила относительную ценность ресурсов, выдвинув на первый план ставшие наиболее мобильными интеллект и финансы. Это изменение коснулось сотрудничества между развитыми и развивающимися странами: созидательное освоение вторых первыми с помощью прямых инвестиций в реальный сектор постепенно уступает место разрушительному освоению с помощью изъятия финансовых и интеллектуальных ресурсов. Необратимое отставание развивающихся стран возникает не только из-за вымывания из них наиболее ценных в новых условиях ресурсов, но и вследствие снижения полезности традиционных ресурсов и технологий, которыми эти общества располагают. Это обесценивание тем глубже, чем более примитивны “старые” технологии и менее монополизированны, но более конкурентны рынки продукции этих технологий. В соответствии с этим правилом за счет распространения технологий “high-tech” относительно обесцениваются прежде всего технологии добывающей промышленности. Поэтому снижение мировых цен на сырье и в более широком смысле на продукты относительно малоинтеллектуального труда станет основной тенденцией, отступления от которой останутся несущественными флуктуациями. В этом смысле США и страны “большой семерки”, активно “сбрасывавшие” за рубеж уже не столько экологически, сколько “интеллектуально грязные”, т. е. слишком простые, производства, максимально застраховались от негативных последствий своего же технологического рывка.

Одним из последствий глобализации будет формирование единых общемировых рынков, в частности в финансовой сфере. Постепенная интеграция глобальных рынков различных финансовых инструментов в единый мировой рынок финансов поставит на повестку дня вопрос о возникновении глобальных монополий: причина этого проста — единый рынок нельзя поделить. Глобализация экономического пространства и информационные технологии до минимума снизят транзакционные издержки и “цену входа” на глобальные финансовые рынки, уничтожат эти препятствия, устраняя тем самым и “зацепки” для всякого хоть сколько-нибудь устойчивого раздела этих рынков. Срок же жизни господствующего товара — информации — устремляется к нулю, что делает практически невозможным даже временный раздел этих рынков. В результате глобальные монополии возникают одновременно в двух направлениях:

- формируются глобальные монополии на глобальных рынках отдельных финансовых инструментов;
- формируется единая глобальная монополия в результате интеграции указанных рынков (снижения “цены перехода” с одного рынка на другой до пренебрежимо малого уровня).

В роли последней монополии все в большей степени выступает американское государство, тесно взаимодействующее с базирующимися на территории США транснациональными корпорациями, в том числе финансовыми, многие из которых в силу специфики своей деятельности не нуждаются в организационном оформлении.

Все идет к тому, что мировая политика скоро перестанет существовать, переместившись на наднациональный уровень глобальных групп капиталов и технологий, с одной стороны, и на внутренний уровень политической жизни страны, контролирующей основную часть этих капиталов и технологий, — с другой.

Следующий аспект глобализации — это столкновение мировых валют — евро и доллара. Объем статьи не позволяет рассмотреть этот процесс объемно, поэтому обозначим его динамику концептуально. Введение евро уменьшает валютные резервы банковских систем мира (прежде всего Европы) и высвобождает из них значительное количество долларов (только из Китая — десятки миллиардов долларов). Перевод расчетов на европейском рынке энергоносителей, осуществляемых в долларах, за определенный период времени в евро высвободит как минимум десятки, если не сотни миллиардов долларов. Наконец, покупательная способность наиболее крупной европейской

банкноты в 500 евро превысит покупательную способность наибольшей банкноты США — 100 долларов. Это переведет в евро основную часть крупных наличных сумм Европы, причем не только в странах валютного союза, но и в соседних, — это дополнительно десятки миллиардов долларов. Чтобы евро- и “чайна-” доллары не вернулись в США и не дестабилизировали их, они должны быть “впитаны” другими странами. Такое “впитывание” мировой резервной валюты в значительных масштабах, сопоставимых с ее высвобождением в процессе введения евро, происходит только в условиях глубокой экономической дестабилизации. В этот период доллар может оставаться стабильным только в обстановке “подрыва инвестиционных ожиданий”, что и наблюдается с сентября 2001 г. Исходя из изложенного приходим к таким выводам:

1. Мировая экономика становится более нестабильной и уязвимой. Негативные тенденции в той или иной стране либо регионе мира немедленно сказываются на экономическом здоровье остальных стран. Наглядными примерами являются азиатский и российский кризисы 1997–1999 гг.

2. Повышается влияние транснациональных корпораций, в том числе политическое. Не только правительства отдельных стран, но и мощные наднациональные объединения, такие как Европейский Союз, вынуждены во все большей степени ориентироваться на ТНК, учитывать их интересы. Национальные государства оказываются связанными по рукам и ногам, их влияние на экономические и политические процессы неуклонно снижается.

3. Обостряется финансовая конкуренция между небольшим количеством “избранных”, развитых стран. Развивающиеся страны и страны переходной экономики получают то количество финансовых ресурсов, которое определяют для них развитые страны.

Так или иначе, но правительствам развивающихся стран при выработке стратегии наращивания инвестиционного потенциала придется решать следующие фундаментальные задачи:

- обеспечение опережающих темпов экономического роста по сравнению с экономиками развитых стран;
- модернизация структуры экономики — развитие перерабатывающих и высокотехнологичных отраслей, финансовой системы, сферы услуг;
- решение острых социальных проблем, повышение уровня жизни населения (в том числе для обеспечения растущего уровня потребления);
- обеспечение привлекательности вложений в национальную экономику по сравнению с эко-

номиками трех-четырех десятков близких по уровню развития и/или географическому положению стран. Решение этой задачи подразумевает как проведение определенной информационной политики, направленной на укрепление имиджа страны среди инвесторов, так и реализацию макроэкономической стратегии, обеспечивающей поддержание относительно более высокой нормы прибыли и/или снижение рисков, связанных с вложениями в экономику страны.

Поиск выхода из создавшейся ситуации – основная задача, стоящая перед Украиной, что предполагает осознание национальных интересов, целей и приоритетов, ослабление жесткой зависимости от неблагоприятных внешних факторов, сведение до минимума неэквивалентного обмена и оттока интеллектуальных и финансовых ресурсов из страны, отказ от неоправдывающих себя фальшивых целей и идеологических лозунгов.